

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

В статье представлены наиболее репрезентативные точки зрения на дихотомию «язык и мышление». Исследование данной проблемы в когнитивном аспекте позволяет сделать вывод о том, что, образуя диалектическое единство, язык и мышление не составляют тождества: их области хотя и пересекаются, но не совпадают. Представлены основные подходы к определению центрального понятия когнитивной лингвистики «концепт».

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, язык, мышление, сознание, философия языка

Проблеме взаимоотношения языка и мышления посвящено огромное количество работ ученых, представляющих самые различные области науки и различные направления. Хотя эта проблема имеет давние корни, до середины XIX в. она рассматривалась преимущественно в философском аспекте. Первым, кто поставил ее в центр своих исследований в языкознании, был В. фон Гумбольдт. Его концепция – мышление определяется языком – ознаменовала собой новый этап в развитии лингвистики.

Как известно, мысль человека при своем рождении опирается не только на универсальные содержательные структуры, но и на категории и на единицы конкретного языка. Конечно, существует мышление образное, техническое, предметное, но основная форма мышления, объединяющая всех людей в подавляющем большинстве жизненных ситуаций, – это мышление языковое, словесное.

Исследования нейролингвистов показывают, что процессы мышления и вербализации локализованы в разных участках коры головного мозга. Это свидетельствует об их многоуровневом характере и многокомпонентности механизма вербализации [Лурия, 1998]. Многие мысли, существующие в нашем сознании, вообще никогда словесно не выражаются, поскольку они не предназначены для сообщения.

Интересные идеи в середине прошлого столетия высказывал Г. Гийом, полагающий, что язык овеществляет ментальное. Ментальное обращается к физическому, последнее должно обеспечить ему чувственное восприятие, ограниченная роль которого заключается в физическом восприятии ментального. Такое воспроизведение никогда не будет слишком верным изображением ментального, которое оно старается передать. На протяжении всей своей долгой истории язык представляет собой непрерывный поиск и порождение такой оптимальной передачи [Гийом, 1992].

Лингвисты в своих исследованиях продолжают спор о взаимоотношении языка и мышления. Ниже представлены наиболее репрезентативные точки зрения на интересующую нас дихотомию.

Язык есть мышление

Согласно этой гипотезе не может быть языка без мышления, а мышления без языка; говорение приравнивается к громкому мышлению, а невыраженное мышление – к внутреннему говорению. Эта концепция объединяет крайние точки зрения – Платона и бихевиористов, между которыми множество разнообразных точек зрения (В. Гумбольдт, А. Шлейхер и др.). Приверженцы данных концепций полагают, что вне языка есть только неясные побуждения, волевые импульсы, выливающиеся в жесты и мимику.

Например, Э. Бенвенист утверждал, что «мыслительные операции независимо от того, носят ли они абстрактный или конкретный характер, всегда получают выражение в языке». Языковая форма является условием реализации и передачи мысли. «Мы постигаем мысль уже оформленной языковыми рамками». Однако автор все же отмечает расхождение мышления и языка. В частности, мышление может свободно уточнять свои категории, вводить новые, тогда как категории языка, будучи принадлежностью системы, которую получает готовой и сохраняет каждый носитель языка, «не могут быть изменены по произволу говорящего» [Бенвенист, 2002: 104-106].

Отвергая представленное выше мнение, критики утверждают, что, во-первых, возможно говорение без мышления, а во-вторых, часто для готовых мыслей подыскивают слова и часто их не находят [Комлев, 2003: 69-80]. Мыслят дети, не владеющие языком, а также глухонемые. Кроме того, человек, владеющий языком, может понимать что-либо, но быть не в состоянии это вербализовать.

**Язык есть мышление,
но мышление не есть язык**

Речевая деятельность, по мнению Г.П. Мельникова, меняет состояние сознания, но это изменение может протекать и без участия языковых знаков, например под воздействием сигналов, полученных от органов зрения, осязания и т. п. «Следовательно, речевая деятельность всегда сопровождается мыслительными процессами, но мышление может протекать независимо от языковых процессов. Именно поэтому одно и то же понятийное содержание может быть выражено различными языковыми средствами» [Мельников, 1969: 119]. Судя по всему, Л.С. Выготский тоже придерживался подобных взглядов, говоря об отсутствии параллелизма между мыслью и словом. Но отсутствие полного тождества, по его мнению, не означает, что это независимые друг от друга феномены: значение слова представляет собой акт мышления [Выготский, 1999].

В качестве аргумента против данной гипотезы ученые выдвигают тезис о том, что мыслимое и говоримое не могут рассматриваться как параллельные явления. Речевая деятельность должна сопровождаться мыслительными процессами, но это, к сожалению, происходит не всегда. Ситуации, типа «сказал/ляпнул, не подумав» имеют место быть. Вообще, категоричную сентенцию «мышление есть язык» можно было бы скорректировать вариантом «мышление не всегда есть язык».

**Язык не есть мышление,
но мышление есть язык**

Данное положение предполагает две точки зрения:

а) язык и мышление не имеют ничего общего. Подлинное понимание мира осуществляется только в мышлении, свободном от языка, хотя не исключено, что язык в состоянии сделать мышление более экономичным, послужить ему опорой, но в этой роли может выступить и другая знаковая система;

б) язык не имеет никакого положительного влияния на мышление. Слово – это враг мышления. Так называемые средства для обозначения и фиксации мышления служат помехой.

По мнению Н.Г. Комлева, мышление не обязательно должно осуществляться в форме ясных понятий и четких суждений. «Мыслительный акт бывает и сокращенным, и неполным, и расплывчатым, к тому же довольно ав-

томатизированным». Кроме того, часто творческое и предметно-образующее мышление носит неязыковый характер [Комлев, 2003: 71].

**Язык – это не мышление,
и мышление – это не язык**

Согласно данному положению язык и мышление – это разные типы поведения. Мысль сама по себе безобразна и бессловесна и в этом смысле не связана с языком, поскольку человек сначала думает, а затем говорит. Даже если он говорит про себя (для себя), то сначала обдумывает. Экспериментальные данные свидетельствуют о возможности протекания этих процессов параллельно. Кроме того, мышление требует минимальной физической энергии. Физиологический же процесс речи, напротив, требует больших затрат энергии: он является работой в физическом смысле.

Еще один аргумент в пользу данной гипотезы заключается в том, что дети учатся языку наиболее успешно в период, когда их интеллектуальные возможности еще очень малы.

По мнению Н.Н. Болдырева, люди часто владеют словами не на уровне их значений, а на уровне передаваемых ими смыслов, то есть концептов и концептуальных признаков. Они используют их как готовые клише (по аналогии с грамматическими формами) в совершенно других, не соответствующих им контекстах, не задумываясь, как формулируется слово в словаре, которое служит адресату основой для понимания смысла. Как следствие – случаи неправильного словоупотребления. Все это свидетельствует об автономности языка и мышления [Болдырев, 2000].

В качестве комментариев к представленным моделям отметим, что при относительной автономности данных феноменов (общеизвестно, что мышление может быть образным, то есть неязыковым) связь между ними прослеживается: это разные, но все же коррелируемые и зависимые виды психической деятельности.

Прав Н.Г. Комлев, утверждая, что все четыре гипотезы не абсурдны, они правдоподобны, хотя и не свободны от противоречий. Снять все эти трудности поможет верная интерпретация самих терминов «мышление» и «язык». Ученый приходит к выводу, что мышление можно разделить на два вида:

1) мышление, осознаваемое, контролируемое субъектом (сознанием). Оно осуществляется в представлениях, образах, символах, знаках-словах;

2) мышление, не осознаваемое, не контролируемое субъектом (сознанием). Оно также осуществляется на нейрофизиологическом уровне. Именно оно и есть в первую очередь собственно мышление.

«Разумное мышление, – свидетельствует К. Прибрам, – может быть нерациональным, то есть ошибочным, неадекватным, непродуктивно повторяющимся и т. д., тогда как непосредственный интуитивный подход к ситуации, особенно к сложной, часто может быть более творческим и плодотворным, чем решение проблемы путем размышления» [Прибрам, 1975: 410].

Таким образом, градация участия языка в сознании, мышлении и интеллекте может выглядеть так: *сознание* – преимущественно на базе языка; *мышление* – с языком и без; *интеллект* (интуиция, подсознание и духовная способность) – без языка. Реальность такого деления подтверждают результаты, полученные психологами при исследовании произвольных и непроизвольных регуляций разного рода сенсорных и речевых действий.

Роль языка очевидна: язык оказывается для человека готовым классификатором объективной действительности, он как бы «прокладывает рельсы, по которым движется поезд человеческого знания». Но вместе с тем язык навязывает свою систему классификации (если нам с детства твердили, что палец на руке – это одно, а на ноге – совсем другое, то к зрелости мы уже убеждены в справедливости именно такого членения действительности). Значит, с одной стороны, язык может быть причиной недоразумений и заблуждений, а с другой – он может активно способствовать развитию человеческого прогресса. Так, огромная роль в освоении современных научно-технических достижений Японии принадлежит заключенному в японском языке гибкому механизму словообразования, позволяющему легко овладевать массой хлынувших извне понятий.

Исследование проблемы взаимодействия языка и мышления в когнитивном аспекте по-

зволяет сделать вывод о том, что, образуя диалектическое единство, язык и мышление не составляют тождества: их области хотя и пересекаются, но не совпадают.

Среди ученых нет единого мнения по поводу определения центрального понятия когнитивной лингвистики – концепта. Есть, по крайней мере, три подхода к его толкованию. Сторонники первого подхода считают, что концепт – это культурологический термин: культура – это совокупность концептов и отношений между ними, а концепт – это основная ячейка культуры в ментальном мире человека (Ю.С. Степанов, В.В. Красных и др.). Второй подход можно назвать семантическим. Он основывается на положении о том, что единственным средством формирования концепта является семантика языкового знака (Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев и др.).

Согласно третьей точке зрения концепт – это ментальная сущность, которая не возникает непосредственно из значения слова, а в какой-то степени является посредником между словом и действительностью. На наш взгляд, данная точка зрения является наиболее приемлемой, и, следовательно, концепт предполагает идеальное содержание, включая образы и представления, это ментальный конструкт. Концепт – это содержательная оперативная единица мышления, или квант структурированного знания, отражающая содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира (Н.Н. Болдырев, А.В. Кравченко, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев и др.).

В заключение отметим, что изучение аспектов взаимодействия языка и мышления, несмотря на актуальность данной проблемы, очевидно, еще ждет своих исследователей. По верному замечанию Н. Хомского, который, как известно, не отождествлял язык и сознание, – приближение к раскрытию тайн сознания невозможно без изучения языка [Chomsky, 1957].

Список использованной литературы:

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: ТГУ, 2000.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – изд.-е 5, испр. – М.: Изд-во «Лабиринт», 1999. – 352 с.
4. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М.: Прогресс, 1992.
5. Комлев Н.Г. Слово в речи. Денотативные аспекты / Н.Г. Комлев – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 216 с.
6. Лурия Ф.Р. Язык и сознание / Ф.Р. Лурия; под ред. Е.Д. Хомской. – Рн/Д: Феникс, 1998.
7. Мельников Г.П. Сущность предикации и способы ее языкового выражения / Г.П. Мельников // Инвариантные значения и структура предложения. – М., 1969. – С. 103–120.
8. Прибрам К. Языки мозга / К. Прибрам; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1975. – 410 с.
9. Chomsky N. Syntactic Structures / N. Chomsky. – The Hague: Mouton and Co., 1957.